

ТИПОЛОГИЯ СВЯЗЕЙ В ИНСТИТУТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.И. Глинда (Минск, Беларусь)

Для того чтобы такое, несомненно, системное, образование, как институт юридической ответственности представить в объеме, понять механизм его действия и управлять им, необходимо выявить те связующие нити, которые удерживают его в целостности. При этом следует помнить о комплексном межотраслевом характере института юридической ответственности, о том, что, как правило, крупные системные образования входят в «магнитное поле» института юридической ответственности лишь определенной своей частью. В этой связи конструкция института юридической ответственности могла бы быть очень зыбкой и склонной к распаду под действием разнонаправленных сил различных отраслей права. Поэтому внутрисистемные связи должны быть настолько крепкими, чтобы противостоять подобному явлению, притягивать внешние элементы друг к другу.

Таким образом, имеется группа системных связей внешнего по отношению к исследуемому институту порядка, и связи внутри института юридической ответственности также выстраиваются в определенную систему.

Воспользовавшись выделенным профессором Н.В. Сильченко способом эмпирической типологии [3], в рамках поставленной задачи в настоящей работе мы ограничимся указанием лишь наиболее общих, крупных типов связей в институте юридической ответственности, которые, однако, имеют основополагающее значение для дальнейшего исследования вопроса, выделения подтипов связей, анализа их классификации, сущностного наполнения и детальной характеристики.

Руководствуясь данной методикой, установим типы связей.

Модель комплексного межотраслевого института юридической ответственности можно представить в виде сферы, обладающей очень сильным магнитным зарядом, в связи с чем она «притягивает» крупные системные образования права (отрасли, подотрасли, институты), но каждая из них входит в поле института юридической ответственности только одним определенным участком – той частью, которая содержит нормы об ответственности. Такой процесс «примагничивания» (назовем его внешним притяжением) основан на существовании внешних связей, назовем их связями комплексности.

Следовательно, выделение элементов института юридической ответственности по отраслевому принципу отражает комплексность данного института, а выделенные по данному критерию элементы связаны внешними связями комплексности.

Далее, попадая в поле института юридической ответственности, нормы об ответственности различных отраслей встраиваются в эту новую систему в соответствии с выполняемыми функциями и по внутренним принципам института юридической ответственности.

Поскольку элемент выступает как своеобразный предел возможного в данной задаче членения объекта, собственное его строение (или состав) обычно не принимается во внимание в характеристике системы: составляющие элемента уже не рассматриваются как компоненты данной системы. Можно утверждать, что в общем случае элемент не может быть описан вне его функциональных характеристик, – с точки зрения системы важно в первую очередь не то, каков субстрат элемента, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого. В системе, представляющей собой органичное целое, элемент и определяется прежде всего по его функции: как минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции [1, с. 185].

Соответственно, для отражения единства института юридической ответственности необходимо увидеть, что объединившись, нормы приобретают новое качество, что именно единый институт юридической ответственности обладает свойствами, отличными от свойств отдельных элементов – видов юридической ответственности. Такое скрепление обеспечивают внутренние связи единства института юридической ответственности, т.е. связи между его качественными, внутренними элементами.

Относительная взаимозависимость и самостоятельность структуры и элементов проявляются в четырех планах: 1. Относительная самостоятельность структуры; 2. Зависимость структуры от элементов; 3. Относительная самостоятельность элементов; 4. Зависимость элементов от структуры [2, с. 46].

Структура не существует как независимое от элементов организующее начало, а сама определяется элементами таким образом, чтобы она возможно полнее соответствовала наибольшему количеству главных элементов. Некоторая совокупность элементов, взятых абстрактно как части, не может сочетаться произвольным образом. При соединении «элементарных» частиц, например, нейтроны не могут иметь связанных состояний между собой вне ядра. Число стабильных изотопов, как известно, тоже довольно ограничено. Сама структура объекта определяется с одной стороны, свойствами элементов, выступающих до ее возникновения в качестве частей, а с другой стороны – внешними условиями, действующими через внутренние свойства [2, с. 47].

Таким образом, представляется, что типологизировать – выделить типы – выделить группы типичных объектов – значит определить группы типичных для института юридической ответственности связей,

схожих по механизму действия. На данном уровне моделирования установлено два таких синтетических типа связей, которые являются типологической базой исследования.

Мы не стремимся безапелляционно утверждать жесткую типологию всех имеющихся в институте юридической ответственности связей, предложенная модель отражает стремление структурировать разработки научной мысли в сфере изучения сложной системы исследуемого правового образования на современном этапе.

1. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва : Издательство «Наука», 1973. – 270с.
2. Вальт, Л. О. Соотношение структуры и элементов / Л. О. Вальт // Вопросы философии. – 1963. – №5. – С. 44-53.
3. Сильченко, Н. В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права / Н. В. Сильченко // Право и правотворчество: вопросы теории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т государства и права; редкол.: В. П. Казимирчук (отв. ред) [и др.]. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 55–63.

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ «JUS AD BELLUM» И «JUS IN BELLO» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.В. Докучаев (Москва, Россия)

Право и закон, организующие часть пространства, в котором протекает социальная и политическая борьба, вводят в противостояние игровые и культурные императивы. Уже потлач анализируется исключительно с юридической стороны, как правообразующий обычай. Юридические регламентации «военного» и «мирного», занимающие важное место в античном (особенно римском) праве, приобретают характер нравственного императива (подкрепленного клятвой воинов - как в Шарру в 989 г.) в рыцарском идеале средневековья. «Право народов» от Тита Ливия до Г. Гроция и де Ваттеля приобрело законченную юридическую форму, кодифицируя войну и мир в соответствующих категориях. Эта форма, пусть и различными способами с помощью различных сил вводила новый дифференцирующий элемент - структуру международного права, которая организуется соглашением государств.

В известной книге Гроция («О праве войны и мира») конструкция международного права включает в себя войну как естественную часть собственного содержания. Далеко не всякая война заслуживает осуждения. Г. Гроций ссылается на Цицерона, Тита Ливия, И. Флавия в иллюстрации естественного закона, права на самозащиту. Де Ваттель («Право народов») позднее воспроизвел аналогичную аргументацию.

Право народов обязательно должно соблюдаться всеми его субъектами, так же, как внутригосударственные законы. Невозможно согласиться, утверждает Гроций, с теми, кто полагает, что во время войны прекращается действие всякого права. Различая частную, публичную и смешанную войны, Гроций подчеркивает, что публичная справедливая война имеет, в соответствии с правом народов, «торжественный характер» лишь в том случае, если ведется от имени суверена и с соблюдением взаимно признаваемых обрядов и правил. Помимо этого, предметом изучения Гроция становится вопрос о реальных причинах войн и, таким образом, о возможности классифицировать межгосударственную борьбу по принципу справедливости и несправедливости.

Гроций отмечает, что большинство авторов выдвигает три справедливых причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание. Справедливой причиной начала войны может быть ни что иное, как правонарушение: «правильно - пишет Гроций, - что войны, предпринятые государственной властью, влекут за собой те или иные юридические последствия...; но тем не менее таковые не ограждены от порицания, если они предпринимаются без причины. Так, Александр, который без всякого основания пошел войной на персов и на прочие народы, в частности, как сообщает Курций, на скифов, заслужил у Сенеки прозвище разбойника, у Лукана - грабителя... Сюда же относится следующее изречение Августина: «Что при отсутствии справедливости представляют собой царства, как не великие разбойничьи шайки?» [1, с.186-187]. Де Ваттель подчеркивает, что суверен является главным действующим лицом войны, которая ведется от его имени и по его приказу. Таким образом, война торжественная по праву ведется между различными народами и имеет законную причину. Сам процесс противоборства строится по правовому принципу: 1) для природы торжественной войны требуется, чтобы она велась от имени обладателя верховной власти; 2) требуется обязательное объявление войны.

Почему становится важным понять войну как право и совокупность обязательств, кодифицировать ее как некий социально-этический феномен? Эта потребность иллюстрирует сущность особого исторического этапа, когда «на место примитивного идеала чести и благородства в продвинутых фазах культуры заступает идеал справедливости...» [2, с.118-119]. Однако юридическая конструкция неизбежно вступает в противоречие с реальностью.

На очевидную необходимость различать идеальную конструкцию международного права и справедливости и реальный статус государств, указывал И. Кант: «На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и мно-